
КАТЕГОРИЯ ТРУДА И ЕЕ МЕТАМОРФОЗЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹

ГРИГОРЯН Григор Маргарович, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Харьковский государственный экономический университет

Труд – отец и важнейший принцип богатства, земля – его мать.
В. Петти

*Трудом, а не войной человек проявляет свое мужество;
трудом больше, чем правом, поддерживается правосудие;
и если когда-нибудь род человеческий достигнет
благоденствия, то опять-таки трудом.*
П. Прудон

*Труд – первое основное условие всей человеческой жизни,
и при том в такой степени, что мы в известном смысле
должны сказать: труд создал самого человека.*
Ф. Энгельс

1. Несоответствие экономической теории трудовым отношениям

Не будет преувеличением сказать, что как возникновение, становление человека и человеческого общества на планете Земля, так и их историческое развитие до наших дней в решающей степени связаны с трудом. Каждое поколение людей вносит свой вклад в развитие общества, прежде всего трудовым участием. Лучшую пору своей жизни люди посвящают труду и благодаря этому они создают приемлемые условия для своего развития. Огромное богатство, которым располагает и пользуется современная цивилизация, великие достижения производства, науки, техники, культуры, искусства – результат умственного и физического труда людей.

Несмотря на очевидность незаменимой, непревзойденной роли труда в жизни людей и общества, экономической наукой предпринимаются вовсе не похвальные усилия по крайнему его принижению и недооценке. Это особенно тревожно в условиях вступления человеческой цивилизации в историческую эпоху великих переходных процессов, выдвижения человека в центр общественного воспроизводства и усиления тенденции социализации производственных отношений. Экономический мейнстрим свел богатейший мир отношений труда лишь к одному из факторов производства. И ничего более!

Пренебрежение науки к категории труда имеет исторические корни, связано с объективными обстоятельствами и субъективными притязаниями.

Первое. Следует отметить то, что само общественное разделение труда на умственный и физический, явившееся одной из первых крупных революций в истории человечества, неизбежно углубившее социальное неравенство, ускорившее развитие частной собственности и общественных классов, содержало в себе принижению и эксплуатацию физического труда, как условие и форму своего развития. Общественный прогресс всегда противоречив, связан с издержками как платой за движение вперед. Становление и

¹ В порядке обсуждения

дальнейшее развитие умственного труда могло происходить только за счет жестокой эксплуатации людей физического труда. Прибавочный продукт, создаваемый в производстве, становится материальной основой духовного развития общества – философии, науки, искусства и т.д.

Господствующие общественные классы, как представители умственного труда, презирали физический труд, олицетворением которого выступали трудящиеся массы. Гений древней Греции Аристотель физический труд считал уделом рабов и выступал против участия свободных людей, людей умственного труда в совершенствовании орудий и условий труда в производстве. Хорошо известно отрицательное, презрительное отношение помещиков, дворян к крепостным, а предпринимателей, капиталистов к работникам наемного труда, особенно в период "дикого капитализма", когда в течение веков нещадно эксплуатировался детский, подростковый, женский труд, не говоря уже об интенсивной эксплуатации трудоспособного мужского населения. Можно сказать, что совсем недавно (по историческим меркам) в Англии, шедшей впереди других стран по развитию, эксплуатировался, детский, подростковый, женский труд без каких-либо ограничений рабочего дня. Закон о восьмичасовом рабочем дне для детей и двенадцатичасовом рабочем дне для подростков был принят лишь в 1833 году. А женщины-работницы заслужили у джентльменов Англии двенадцатичасовой рабочий день только в 1844 году.

Несмотря на гигантское развитие капиталистической экономики на основе первой и второй промышленных революций, обеспечивших индустриализацию общественного производства, многократное повышение на этой основе производительности труда, условия и оплата труда, а также продолжительность рабочего дня непомерно отставали от уровня экономического развития общества. Лишь под решающим воздействием длительной классовой борьбы трудящихся, а также Октябрьской революции в России представители капиталистических стран с большим опозданием заключили в 1919 году в Вашингтоне соглашение о введении восьмичасового рабочего дня (в Советской России восьмичасовой рабочий день был установлен 2 ноября 1917 года). Поскольку противоположность между умственным и физическим трудом существует и по сей день, то продолжается отчуждение труда наемных рабочих.

Второе. Сама наука в лице неоклассической экономической теории нанесла сильнейший удар по трудовым отношениям тем, что отвергла трудовую теорию стоимости – цементирующую основу классической политической экономии. В научной литературе все внимание почему-то обращено на то, что неоклассики взяли на вооружение теорию предельных величин (предельной полезности, предельной производительности), отказавшись от трудовой теории стоимости. Это, конечно, правда, но, на наш взгляд, не вся правда, а точнее – лишь одна сторона правды. Само соотношение теории предельных величин и трудовой теории стоимости незаслуженно умаляет роль последней, на порядок, если не более, снижает масштабность ее внутреннего содержания и значения.

Поэтому другая сторона правды или полная правда состоит в том, что неоклассика отказалась от классической политической экономии, как целостной системы, и тем самым необоснованно отправила ее в интеллектуальное прошлое. Она отказалась от основного: от исследований глубинных социально-экономических отношений, начав порхать по поверхности рыночных связей; от приоритетности отношений производства перед отношениями рынка, обращения; от классовых, социальных отношений в процессе производства и распределения общественного продукта. Из открытий классиков были взяты рынок и частная собственность, т.е. те элементы классической системы, которые были предметом осмысления еще до нашей эры, в частности в Законах Хаммурапи (18 в. до н. э.), в двенадцати таблицах Древнего Рима (5 в. до н. э.), Трактате Гуань-Цзы (4 в. до н. э.), в работах Платона, Аристотеля и других. Иными словами, неоклассическая экономическая теория создала иной предмет науки, в котором не осталось по существу места социально-экономическим, трудовым отношениям.

Естественно, возникает вопрос: чем был вызван такой крутой поворот в экономической науке? Почему процветающая политическая экономия В. Петти, А. Смита, Д. Рикардо, Дж. С. Милля вдруг оказалось устаревшей (а точнее – опасной) для социально-экономического строя капитализма? Отметим, что по законам общественного прогресса история общества, начиная с момента возникновения человека и до наших дней, представляет собой закономерность переходов от относительно простых, несовершенных общественных форм развития к сложным, совершенным формам. На современном этапе это проявляется в тенденции переходных процессов от капиталистических форм к посткапиталистическим. Каждая форма имеет свои исторические стадии развития: зарождение и становление, зрелое состояние, нисходящее (регрессивное) развитие и отмирание.

Проблемы, задачи, трудности, с которыми общество сталкивается на той или иной стадии своего развития, принципиально отличаются друг от друга. Естественно, и наука, чтобы соответствовать своему предназначению, обязана исследовать особенности каждой стадии развития общества. Иначе говоря, наука так же, как и ее развивающийся предмет, должна проходить закономерные стадии своего развития.

Классическая политическая экономия возникла и развивалась на стадии становления капиталистического способа производства. В этот исторический период (17 в. – 40-е годы 19 в.) в общественной науке не сформировалось еще исторического мышления. Поэтому у классиков отсутствовал исторический подход. Им казалось, что капиталистическая система – вечная, как сама природа. В то же время обществу необходимо было быстрее избавляться от тормозящих сил остатков феодальных отношений. Все это создавало благоприятные условия для глубокого научного исследования капиталистических производственных отношений, разработки трудовой теории стоимости. Классики не боялись признавать, критиковать и исследовать причины и последствия классового расслоения общества, ибо, как им казалось, ничего не грозило его вечному существованию.

Но, начиная с сороковых годов 19 в., резко обостряется классовая борьба в капиталистических странах. Забастовки, стачки, восстания, политическое движение рабочих получают значительное распространение. Такое развитие исторических событий подготовило народные революции во Франции и Германии в середине 19 в. Все это послужило одной из главных причин создания К. Марксом и Ф. Энгельсом политической экономии труда, в которой максимально сохраняются и развиваются научные идеи и положения классиков. Марксизмом научно обосновывается принцип историзма, общественный прогресс. Таким образом, и в социальной практике, и в экономической науке происходят качественные сдвиги. Капиталистическая социально-экономическая система своим историческим развитием вступает в стадию зрелости. На основе первой промышленной революции экономика переходит на индустриальные рельсы, происходит значительная концентрация и централизация производительного капитала. На базе машинной техники создаются производительные силы и производство, адекватные капиталистической системе.

В этих новых исторических условиях трудовая концепция стоимости, как важнейшая научная система, уже не вписывается в систему капиталистического образа мышления, в том числе его научного мышления. Для капитала, деловых людей доказательство этой концепции, что не капитал, а труд и только труд – единственный источник стоимости, а стало быть, и такой стоимости, как прибыль (А. Смит определил прибыль как "вычет из продукта труда рабочего"), означает ничто иное, как уличение собственников капитала в эксплуатации наемного труда, как теоретическое оправдание и поддержку борьбы трудящихся против господства капитала за свои права и интересы. Но это есть идеологическое разоружение капиталистической системы, с чем, естественно, не может согласиться ни один сторонник капитализма. Кумира экономистов 19 в. Давида Рикардо начали жестко критиковать. "Система Рикардо, – писал Г. Кэрри, – есть система вражды и стремится возбудить войну как между сословиями, так и между нациями" [6, с. 525].

На наш взгляд, давно существует научная проблема, которая, к сожалению, не ставится и открыто не обсуждается, а именно: является ли неоклассическая теория, пришедшая на смену классической политической экономии, **прогрессивным этапом развития экономической науки**, а следовательно, более глубоко исследующей социально-экономические отношения капитализма, чем классическая теория? Каким научным вкладом она обогатила науку и подняла ее на принципиально новый уровень развития? Какие существенные пробелы, противоречия классической школы она преодолела и тем самым принципиально развила науку? Наконец, является ли неоклассическая теория наукой или она идиологизированная, апологетическая теория, сводящая по существу на нет трудовые, социально-экономические отношения и абсолютизирующая роль капитала?

Та критика неоклассической теории, которая время от времени появляется в литературе, не только не затрагивает главного, но и, ограничиваясь полемикой по частным вопросам, способствует укреплению ее позиций в науке. Думается, нужны критика, дискуссии по выше затронутым вопросам, которые способны стимулировать подлинное развитие науки.

Третье. На современном этапе из научного оборота постепенно, но неуклонно исчезает категория труда, хотя в это же время в реальной действительности непрерывно обогащается и развивается ее содержание. Труд, рабочая сила как товар "растворяется" в таких новых категориях как "человеческий капитал", "интеллектуальный капитал", "управленческий капитал" и др. По этой теории выходит, что если работники вкладывают свои скудные сбережения в повышение своего образовательного уровня, развитие способностей, ведущих к росту их производительности труда, то они становятся владельцами капитала и поэтому получают, наряду с заработной платой, еще и прибыль. Утверждается, что в условиях постиндустриального общества или информационно-технотронной экономики работники становятся и своеобразными капиталистами.

Удивительные превращения, метаморфозы преподносит нам современная наука. Если исходить из этой концепции, то следует признать, что больше нет класса наемных работников, который существовал в течении пяти веков, а есть класс "наемных капиталистов", владельцев человеческого капитала.

Указанная концепция, выдвинутая американским профессором Г. Беккером в работе "Человеческий капитал" (1964 г.) и поддержанная некоторыми другими авторами (Дж. Минцер, Л. Хансен, Т. Шульц и др.), рекламируется в России, Украине и других странах; усердно пишутся монографии, защищаются диссертации. Категории человеческого капитала, интеллектуального капитала и др. ВАКом Украины включены в паспорта отдельных специальностей по защите кандидатских и докторских диссертаций. Возникает вопрос: почему современные закономерные изменения категории «труд», «рабочая сила» подаются в форме человеческого капитала, интеллектуального капитала? Почему вместо исследования современных тенденций изменения характера и содержания труда, обусловленных новой стадией технологического способа производства и изменяющимися социально-экономическими отношениями, экономическая наука навязывает идею капитализации трудовых и других отношений общества, без весомых на то объективных процессов?

Думается, чтобы разобраться в этом непростом вопросе, следует, прежде всего, уяснить, что же подразумевает под капиталом господствующее ныне направление экономической науки. В нашей дискуссии этот вопрос нельзя оставлять без внимания, ибо ключевой категорией здесь прямо или подспудно выступает капитал. К. Макконнелл и С. Брю в учебнике «Экономикс» определяют капитал как "созданные человеком ресурсы, используемые для производства товаров и услуг; товары, которые непосредственно не удовлетворяют потребностям человека; инвестиционные товары, средства производства" [7, т. 2, с. 388]. Сошлемся и на "Современный экономический словарь" (1996 г.), (составители Б. Райсберг, Л. Лазовский и Е. Стародубцева), в котором они резюмируют: капитал "в широком смысле – это все, что способно приносить доход, или ресурсы,

создаваемые людьми для производства товаров и услуг. В более узком смысле – вложенный в дело работающий источник дохода в виде средств производства (физический капитал.)" [11, с. 141].

Эти определения капитала, несмотря на некоторые внешние различия, по содержанию совпадают. Они тиражируются в учебной литературе в Украине.

Подчеркнем, что капитал – фундаментальная категория социально-экономической системы капиталистического общества, существующего на земле в течение последних пяти веков. Но такое примитивное определение этой главной категории, которая дает неоклассическая экономическая теория, не выдерживает научной критики.

В самом деле, капитал, как и любая другая категория экономической науки, должен быть воплощением глубоких теоретических обобщений, раскрывающих сущность особых экономических, производственных отношений. К сожалению, в обсуждаемом определении, можно сказать, все есть, за исключением того, что касается сущности капитала. Можно только удивляться, что в дефиниции капитала наука опускается на уровень обыденного сознания, бытового, повседневного представления о производстве, которое хорошо знают даже субъекты хозяйствования без образования. А те из них, кто открывает свое дело в той или иной отрасли, отлично представляет, что надо бороться за большую прибыль, чтобы развивать производство, обогатиться и выдержать конкурентную борьбу. Иначе говоря, даже в их представлении капитал – это делать деньги. А производство товаров и услуг – не суть капитала, а лишь средство обеспечения обогащения. Если можно обогатиться без этой "мелочи", без производства товаров и услуг – то зачем их производство. Суть капитала – производственные отношения капитализма, т. е. отношения безвозмездного присвоения прибавочного продукта, созданного наемными работниками.

Современные олигархи стран СНГ и Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) дали исторический урок народам и заодно теоретикам капитала, что миллиарды долларов можно присвоить почти молниеносно и необязательно путем организации производства товаров и услуг, а наоборот, путем организации резкого падения этого производства. Более того, сотни и сотни миллиардов долларов общенародной собственности были разворованы и вывезены за границу, при этом, несмотря на административные потуги, мизерные заработки миллионов людей труда выплачиваются с задержкой на месяцы и годы.

В рассматриваемых определениях не только маскируется суть капитала, но и капитал выдается как производство вообще. Складывается впечатление, что экономическая наука за последние века не развивается, застыла на месте и по-прежнему считает палку в руках дикаря капиталом.

Напомним читателю, что один из известных английских экономистов Р. Торренс в начале 19 века писал: "В первом камне, который дикарь бросает в преследуемого зверя, в первой палке, которую он берет, чтобы притянуть плоды, которых не может достать руками, мы... открываем начало капитала" [8, с. 195].

Современное понимание капитала базируется на идеях Торренса. Если капитал – "это все, что способно приносить доход", если он и есть средство производства, то выходит, что **капитал не историческая категория**, связанная со становлением капиталистического способа производства, **а всеобщая категория**, возникшая вместе с человеком, вместе с производством. Причем, любое производство связано с капиталом, в том числе современное огородничество, которое помогло и помогает миллионам людей в странах СНГ и ЦВЕ выжить. И согласно этой логике, безработные, пенсионеры, владеющие мотыгой и лопатой и работающие на маленьких клочках земли, являются капиталистами. А в качестве проекта эмблемы капитала можно предложить скрещенные палку дикаря и мотыгу бабушки нашей эпохи. Если капитал – это все, что приносит доход, **то капиталом становится рабочая сила**, которая приносит доход в виде заработной платы. Следовательно, все работники – капиталисты.

Именно в этом примитивном духе способности, образование, знание работника по мановению неоклассической теоретической палочки превращаются в так называемый

человеческий капитал. Таким образом, заблуждение первичного порядка в понимании капитала приводит к производному заблуждению, искажению закономерностей развития труда, рабочей силы на современном этапе.

Здесь уместно сказать и о том, что стремление науки капитализировать экономические явления относится не только к категории рабочей силы, труда, но и ко многим другим категориям и понятиям. В научном обороте на все лады воспеваются такие новоиспеченные категории, как социальный капитал, институциональный капитал, капитал культуры и т.д. Идет полная капитализация категорий экономической науки вслед за современной глобализацией реального капитализма. Это означает, что господствующее направление экономической науки занято сознательной виртуализацией социально-экономических трудовых отношений, сокрытием реальных сущностных отношений путем абсолютизации капитала, а заодно и его мифизации. Это свидетельство кризиса экономической науки, а не ее развития.

Четвертое. Широко распространяется идея о том, что в условиях постиндустриального общества качественно возрастает творчество в процессе социально-экономической деятельности людей, в результате чего труд якобы подвергается отрицанию, уступив место творчеству. Многие исследователи при этом больше заняты тем, что ведут дискуссию преимущественно этимологического характера. Обсуждают происхождение слова "труд" и его различные оттенки на разных языках, в особенности оттенки английских слов *work* и *labour*. После анализа различных нюансов в конце концов выясняется, что "определить деятельность как труд или творчество может только сам ее субъект. Преодоление труда совершается в первую очередь на социально-психологическом уровне" [5, с. 220]. Если дело дошло до того, что изменение экономических отношений труда, являющихся фундаментальными в системе социально-экономических отношений общества, определяются прежде всего на социально-психологическом уровне и главное – самим субъектом этих отношений, то это означает, на наш взгляд, что наука отказывается от самого главного – объективности подхода и от анализа реальных отношений труда.

Неоклассическая теория, естественно, переориентировала экономическую науку от исследований проблем труда и его закономерностей к анализу вопросов экономического поведения человека, функциональных связей рыночной системы купли – продажи. Тем самым она по существу отстранилась от исследования богатых по содержанию отношений труда – исторически главной движущей силы экономики, общества. Но все-таки труд присутствует в этой теории, но присутствует однобоко, в сильно усеченном виде – только в качестве фактора производства. Правда, этот подход к труду не является открытием неоклассиков. Они его заимствовали у Ж. Б. Сэя.

Уместно напомнить, что рассмотрение труда только в качестве фактора производства было подвергнуто справедливой критике, в том числе самими буржуазными учеными. Известный русский философ и политэконом С. Булгаков еще в начале 20 века писал: "В учении о производстве материальных благ труд помещается обыкновенно в числе "факторов производства", причем рядом с ним фигурирует земля и капитал. Однако эта классификация... совершенно лишена общеполитического значения" [3, т.1, с. 130].

Данная классификация и ее идеи господствуют в экономической науке. Но, как ни странно, наука не объясняет смысл такого подхода, а просто воспроизводит то, что находится на поверхности рыночных отношений. В результате получается, что для неоклассического подхода вся философия сводится к купле-продаже, спросу и предложению. В сфере общественного производства эта экономическая наука кроме рыночных законов поверхностных связей, ничего другого не видит и не замечает. Она не только в человеке не видит меры всех вещей, творца богатства и всех достижений, но и рассматривает *вещь как меру человека*. На наш взгляд, В. Шекспиру лучше удалось философское осмысление человека, хотя и в поэтической форме, чем многим специалистам. Он вложил эту философию в уста Гамлета: "Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям!

Поступками как близок к ангелам! Почти равен Богу – разумею! Краса вселенной! Венец всего живущего!" [15, с. 62].

И вот человек – Краса вселенной, Венец всего живущего доведен рыночной системой до такого предельного состояния, при котором, чтобы жить, существовать, он вынужден продать то единственное и последнее, что у него осталось, что неотделимо от живого организма – рабочую силу, способности к труду. Работники своим трудом, преодолев господство природы, сотворив объективные условия становления социальных законов, создав несметное богатство, оказались в такой степени под господством теперь уже соплеменников - собственников средств производства и капитала, что они отчуждены от этого богатства, от средств производства, сброшены с высоты Венца всего живущего в самое низкое социальное положение – пожизненно носителей и продавцов живого товара, функционирующего по рыночным законам простых вещей. Это квинтэссенция рыночной философии.

Рассматриваемая классификация факторов производства ставит в один ряд **причину (труд) и следствие (земля, капитал)**. Хорошо известно, что только трудом земля и другие природные условия были превращены в фактор производства. Продуктом труда являются средства производства, которые в условиях капиталистических отношений собственности на них, становятся капиталом. Более того, реальное применение земли и капитала в качестве производственных факторов происходит только через труд. Без труда эти факторы мертвы. Не следует забывать, что подлинной причиной возрастания и самовозрастания капитала опять является наемный труд. Труд – создатель всех продуктов личного и производительного потребления, всего мира богатства. Таким образом, труд – источник всех факторов производства, а наемный труд – источник всех факторов рыночной экономики. Стало быть, мы имеем дело с существенным противоречием в науке, когда в классификации рассматриваемых факторов игнорируются причинно-следственные связи их в системе общественного производства.

Кроме того, **нельзя сравнивать целое (труд) с частями (земля, капитал)**. Ведь труд – это прежде всего процесс целесообразной деятельности людей по изготовлению предметов потребления. А сам процесс такой деятельности предполагает соединение работника с предметом труда, из которого он изготавливает продукт для потребления, и с орудиями труда, при помощи которых работник воздействует на предмет труда. Следовательно, труд есть процесс соединения и целесообразного взаимодействия всех элементов, необходимых для производства продукта, т.е. соединения факторов в условиях рыночной экономики (рабочей силы, земли, капитала), и потому он представляет собой целостность в отличие от ее составляющих, какими являются земля и капитал. И здесь мы наблюдаем существенное противоречие в положении науки.

Наконец, чрезвычайно важной проблемой является осмысление глубинной сущности труда как такого. В литературе, как правило, исследование концентрируется на раскрытии той стороны труда, которая ближе к поверхности явлений. И в то же время без должного внимания остается другая, более глубинная его сторона. На наш взгляд, **труду свойственны два уровня сущности**. Сущность первого порядка относительно проста и более или менее легко познаваема. Она заключается в том, что труд, как уже было отмечено, выступает как целесообразная деятельность по изготовлению материальных благ и услуг. Сущность второго порядка или глубинная сущность его состоит в том, что он (труд) одновременно является процессом саморазвития целесообразной деятельности, развития самого человека. В процессе труда человек изменяет, перерабатывает вещество природы и приспособляет его к удовлетворению своих потребностей. Но, воздействуя "на внешнюю природу и изменяя ее, - отмечал К. Маркс, - он в то же время изменяет свою собственную природу" [8, с. 188]. Естественно, труд изменяет и природу общества, является незаменимой основой его развития. Без этой глубинной сущности труда невозможно понять ни его роль, ни его место в закономерностях становления и развития человека и человеческого общества.

2. Причины превращенных рыночных форм отношений труда

Анализ товарно-денежных отношений показывает, что многие экономические формы, в том числе формы проявления труда, искажают реальные отношения, маскируют их природу. Например, заработная плата выступает как плата за труд, за работу, а на самом деле она является платой за стоимость рабочей силы; в издержках производства затраты труда также маскируются и выступают как затраты капитала; прибыль выступает как порождение капитала, а в реальности она – форма прибавочной стоимости или прибавочного труда и т.д. Экономические формы, выступающие носителями содержания рыночных отношений, по природе являются не прямыми формами, соответствующими их сущности и содержанию, а косвенными формами, а более точно – превращенными формами. Учение о превращенных экономических формах развития капиталистического способа производства создано К. Марксом в своем главном произведении "Капитале", в особенности в III томе, посвященном процессу капиталистического производства, взятому в целом.

Проблема превращенных форм – одна из самых сложных и, конечно же, дискуссионных. В то же время складывается впечатление, что теоретическая мысль избегает дальнейшего исследования. Марксисты уделяют мало внимания этой проблеме, полагая, что К. Маркс исчерпывающе раскрыл ее сущность и содержание в "капитале". И это объяснение во многом справедливо, но не во всем. Критики же К. Маркса, представители других направлений и школ политической экономии тоже не исследуют этот вопрос, а просто его отвергают вместе с отрицанием экономического учения марксизма в целом. Например, известный специалист по истории экономической мысли М. Блауг пишет следующее: "Уловка, которая делает марксистскую политическую экономию привлекательной, если воспринимать ее некритически, заключается в применении двухэтажного доказательства: сейчас вы это видите, а сейчас – нет. Есть первый этаж здания, а именно видимый мир цен, ставок заработной платы и нормы прибыли, и есть подвальный этаж этого здания – ненаблюдаемый мир трудовой ценности и прибавочной ценности... Это не что иное, как искусное жонглерство, посредством которого оказалось одураченным не одно поколение читателей" [2, с. 265]. Жестких критических выражений у Блауга в адрес марксистской теории больше, чем достаточно. Но жаль, что он не выдвинул ни одного научного аргумента в пользу своей позиции. А суть науки только в весомых аргументах, точнее в логически стройной системе аргументов, доказательств, а вовсе не в броских выражениях. Мы не станем пересказывать "Капитал" Маркса. Это в одной статье невозможно, да и в этом нет необходимости. Пытливый читатель сам способен разобраться в трудах Маркса.

Наша задача иная – попытаться вкратце обосновать причины превращенных форм и, прежде всего, превращенных форм труда. Нельзя же дальше продолжать "одурачивание читателей". Но для этого необходимо, чтобы сами теоретики перестали одурачивать самих себя, занялись беспристрастным исследованием проблемы. Общей предпосылкой возникновения превращенных форм, на наш взгляд, стало **полное овеществление экономических отношений между людьми**. Там, где нет такого овеществления отношений, там нет и превращенных форм. Поскольку отношения между рабовладельцами и рабами, между феодалами и крепостными базировались на внеэкономическом принуждении, то их отношения были поэтому предельно прозрачными, не имели вещной оболочки. Раб был лишен человеческого звания, насильственно превращен в "говорящее орудие". Крепостной крестьянин был юридически прикреплен к земельному участку, принадлежащему помещику, дворянину.

В условиях рынка экономическими фигурами выступают юридически свободные, независимые частные собственники: производители, потребители, продавцы, покупатели. В их отношениях исключено внеэкономическое принуждение. Вне экономических отношений никто никому ничем не обязан. Именно исключенность внеэкономического принуждения предполагает утверждение экономических отношений, а последние могут существовать только в вещной форме. Овеществленные частные отношения естественно порождают

конкуренцию. В условиях свободной конкуренции одни производят продукты для продажи и реализуют их желающим. Другие же ищут на рынке необходимые товары и покупают их для потребления либо производительного, либо частного. Эти независимые экономические фигуры встречаются для купли – продажи товаров. С одной стороны, предлагаются товары, а с другой стороны – деньги. Отношения этих фигур выливаются в отношения их вещей: товаров и денег. Через обмен по ценам, объективно формируемым рынком, отношения этих фигур непрерывно воспроизводятся как отношения вещей.

Отношения между продавцами и покупателями, например, никогда не могут сложиться, если продавцы не в состоянии предложить товары покупателям, а покупатели не имеют денег или других средств, чтобы рассчитываться за товары. Следовательно, отношения людей складываются как отношения вещей, товаров и денег. В условиях товарного производства без вещей, без их отношения не могут складываться и воспроизводиться отношения людей. Это и есть овеществление экономических отношений.

Однако превращенные формы, глубина и масштабность их превращенности, а следовательно, искажения объективной реальности обусловлены той спецификой самих отношений, которые они выражают. Исторически сложилось так, что полное овеществление экономических отношений формируется вместе со становлением товарного производства и рынка. Поэтому и овеществление и возникновение превращенных форм связаны с сущностью товарной формы производства и обмена. В чем же загадка товарной формы, или какова специфика товарной формы, которая маскирует и искажает содержащиеся в ней отношения?

Товарная форма хозяйства – одна из самых выдающихся, уникальных форм экономических отношений, порожденная самопроизвольно, в ходе длительного эволюционного развития труда и производства. Она была порождена особой необходимостью, возникшей вместе с появлением частного труда, частной собственности и общественной потребности производства для продажи. Частное производство продуктов для себя перерастает в частное производство продуктов для других, для общества. Это перерастание явилось революцией в производстве, содержащей противоречие между частным и общественным трудом, между частными и общественными интересами. Экономическая форма сочетания этих взаимно исключаящих друг друга противоположностей стала особой необходимостью, решающим условием развития самого товарного производства. История остановилась на товарной форме движения указанного противоречия.

Товарная форма неспособна разрешить это противоречие. На существующей основе оно до конца неразрешимо. Товарная форма лишь способна обеспечить до поры до времени воспроизводство противоречия между частным и общественным трудом. Исторический опыт показал, что товарное производство, товарная форма – вовсе не идеальная форма движения противоречий. Она форма столкновения частных интересов, противоборства частных и общественных интересов, форма конкуренции, ведущая к обогащению одних и разорению других. Иначе говоря, форма движения противоречий интересов и есть форма непрерывной антагонистической борьбы интересов. И когда судьба товаропроизводителя, его существование как субъекта хозяйствования напрямую связывается с товарами, которые он производит и поставляет на рынок, то общественный характер его труда, то есть то, что он производит продукт не для себя, а для продажи, для общества, выступает "как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы" [8, с. 82]. Иначе говоря, сама эта полная зависимость жизненного, социального положения субъекта хозяйствования от производства и реализации своих продуктов мистифицирует рыночные отношения. Товарная форма представляется с точностью наоборот: "вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей" [8, с. 83]. Фетишизация товарно-денежных отношений, придавая им магический характер, мешает понять реальные процессы, происходящие в товарной форме.

Необходимо учесть тот исторический факт, что товарное производство возникает не как самостоятельный способ производства, а как **вспомогательная форма** хозяйствования. Это было не случайным, а закономерным явлением, подготовленным всем ходом исторического развития производящего хозяйства. В связи с углублением общественного разделения труда и возникновением частного труда и частной собственности формируются разные виды рабовладельческого способа производства. Но значительная часть крестьян и в особенности ремесленников остаются независимыми, свободными субъектами хозяйствования. Свободные ремесленники, естественно, не могут жить и существовать без обмена продуктами, а часть крестьян нуждается в обмене избытка своей продукции. Иными словами, товарное производство сотворили прежде всего мелкие собственники-производители. Но в последующем, с появлением торговли между странами и углублением товарно-денежных отношений возникают хрематистика – искусство делать деньги, купеческий и ростовщический капиталы. Развитие товарной формы хозяйствования в конечном итоге становится исходным пунктом и всеобщей формой капиталистического способа производства и его превращенных форм.

Становление капитализма **создает качественно новый слой отношений**, ранее отсутствовавший в товарном производстве – систему отношений капитала и наемного труда. Не только в экономике, но и в теории, общественном сознании и психологии капитал постепенно завоевывает господствующее положение. Й. Шумпетер, анализируя историю становления капитализма, подчеркивал: "Наиболее очевидным моментом является то, что буржуазия получила власть для утверждения своих интересов... Деловой человек по мере увеличения своего веса в социальной структуре наделял общество все возрастающими дозами своих взглядов. Точно так же, как это делал рыцарь до него. Особые приемы мышления, которые вырабатываются в деловой конторе, схема ценностей, которая из них проистекает, и отношение общественной и частной жизни, которое ее характеризует, постепенно распространяется на все классы и на все сферы человеческой деятельности" [16, с. 226].

Этот естественный процесс смены всего старого новым происходит не путем голого отрицания, полного уничтожения старого, а способом диалектического отрицания старого, сохранения и развития тех его элементов, которые не исчерпали потенциал прогрессивного развития и потому представляют собой преемственную связь, мост, между старым и новым. Капиталистическая система, вырастая из товарных отношений, не отбрасывает их, а сохраняет и приспособливает товарную форму, трудовые отношения, закон стоимости и т.д. к потребностям собственного развития.

Капитал господствует как в реальных отношениях экономики, так и в экономических категориях и понятиях. Он подчиняет себе и трудовые отношения, наемный труд. Каким же образом? Ведь закон стоимости, как объективный закон товарного производства, своим действием регулирует товарный обмен как обмен трудовых эквивалентов. А капитал как самовозрастающая стоимость может существовать и функционировать при условии, если безвозмездно присваивает прибавочный продукт, прибавочную стоимость. **Таким образом, трудовой эквивалентный обмен товаров и безвозмездное, безэквивалентное присвоение капиталом прибавочного труда выступают как взаимно исключаящие принципы экономических отношений. Как же они совмещаются в товарной форме производства? Или они несовместимы?**

Выше упомянутый М. Блауг и другие критики превращенных форм не видят указанного реального противоречия. Между тем без превращенных форм, искажающих реальное содержание экономических отношений, невозможно совместить эквивалентный обмен с безвозмездным присвоением.

В общественной науке очень много спорных вопросов, дискуссий по которым идут в течении десятилетий, а то и веков. Но среди них есть вопрос, который, на наш взгляд, является самым важным, центральным, затрагивающим интересы всех людей, всего

человеческого общества. Это вопрос о прибавочном труде, о присвоении прибавочного продукта, являющегося единой основой всех нетрудовых доходов в современном обществе.

В далеком прошлом, при рабовладении и крепостничестве, присвоение прибавочного продукта рабовладельцами и помещиками носило открытый характер. Рабы почти даром трудились на господ. Феодальная рента существовала в трех открытых видах: отработочной (барщина), продуктовой (оброк) и денежной ренты. Присвоение прибавочного труда, прибавочного продукта было на виду, ничем не скрывалось и они были внешне отделены от необходимого труда и необходимого продукта. В литературе никто не оспаривал факт эксплуатации. Ее считали обычным явлением.

На ранних стадиях капитализма, вплоть до тридцатых годов 19 века, также не было дискуссией о присвоении капиталистами прибавочного труда наемных рабочих. Классики политической экономии научно доказали, что только трудом создается стоимость общественного продукта, распределение которого осуществляется между тремя классами: владельцами земли, собственниками капитала и наемными рабочими. "Но доли всего продукта земли, достающиеся каждому из этих классов под именем "ренты", "прибыли" и "заработной платы", - писал Д. Рикардо, - весьма различны на разных стадиях общественного развития... Определить законы, которые управляют этим распределением, - главная задача политической экономии" [12, с. 30]. Ученые того времени, исходя из реальных фактов, не отрицали присвоение прибавочного продукта, созданного чужим трудом. Следовательно, в течение веков и тысячелетий факт эксплуатации трудящихся не оспаривался.

Однако, начиная с 19 века и до наших дней, он стал предметом не только самых ожесточенных дискуссий, но и основной осью политической борьбы в буржуазном обществе в такой сильной степени, что даже достижения науки в этой области демонстративно были отброшены, например, отказ от классической политической экономии, теории трудовой стоимости. И несмотря на пренебрежение к научным истинам, следует все-таки признать, что только наука способна познать и отстаивать правду жизни, в том числе концепций трудовой стоимости и превращенных форм.

Сегодня неоклассическая теория оспаривает факт отчуждения труда наемных работников, присвоения работодателями прибавочного продукта, создаваемого их работниками. Давайте рассмотрим вопрос, как действием законов рыночной экономики создаются объективные условия и необходимость безвозмездного присвоения прибавочного продукта и в то же время формируются экономические формы, искажающие реальный процесс безвозмездного присвоения.

Во-первых, начнем с того, что законом функционирования и развития современной рыночной экономики является наличие в ней, с одной стороны, субъектов хозяйствования, владеющих предприятиями или средствами производства, денежным капиталом и, с другой стороны, субъектов хозяйствования, владеющих только рабочей силой. Одни являются работодателями, а другие – наемными работниками. Соотношение между величиной общественного капитала и численностью наемной рабочей силы с развитием экономики изменяется, но незыблемым остается постоянное, из поколения в поколение воспроизводство как собственников средств производства, капитала, так и несобственников средств производства – наемных работников. Причем, численность наемных работников непрерывно увеличивается. Если в 16-17 веках их было около одного миллиона людей, а в 19 веке их стало более десяти миллионов в мире, то в 20 веке – сотни миллионов наемных работников. Пока существует система отношений капитала, большинство населения общества не может и мечтать о том, чтобы когда-нибудь стать собственником средств производства, капитала. Конечно, речь идет не об отдельных работниках, индивидах, которые по разным обстоятельствам становились и становятся капиталистами, а об общественном классе людей, лишенных средств производства. Если все работники станут собственниками предприятий, средств производства, то исчезнет с лица земли капитал, капиталистическая система хозяйства.

Отсюда вытекает неутешительный вывод о том, что отсутствие у большинства членов общества собственности на средства производства, капитала и непрерывное его воспроизводство, означающее увековечивание этого социального неравенства, **является первой необходимостью, лежащей в основе капиталистической системы.**

Отметим, что теоретики капитализма в исследовании частной собственности на средства производства придерживаются **двойственной позиции.** Когда речь идет о ее значении вообще для людей, развития экономики, они горой стоят за эту собственность, объявляют ее "фундаментом свободы личности" (В. Селюнин), находят ее реальные, а нередко и мифические преимущества перед общественной, государственной собственностью.

Но когда требуется конкретизация анализа отношений собственности в интересах раскрытия положений всех слоев населения общества с целью поиска причин обострения социальных и экономических противоречий, то эти теоретики невозмутимо оставляют в стороне указанные проблемы. А если уж крайне необходимо сослаться на собственность, то в этом случае ее роль принижают. Иначе говоря, все положительное в экономике, обществе по их взглядам вызвано частной собственностью, а все отрицательное вызвано, в первую очередь, всем чем угодно, но не владением собственностью. Известные уже нам К. Макконнелл и С. Брю, анализируя проблему неравенства доходов в США, установили шесть причин, факторов, определивших это неравенство. В качестве одной из причин рассматривается и владение собственностью, но лишь после таких, на их взгляд, более весомых причин, как: 1. различия в способностях; 2. образование и обучение; 3. профессиональные вкусы и риски [7, т. 2, с. 280]. Владение собственностью, таким образом, превращается в рядовое, малозначимое явление, стоящее даже ниже профессиональных вкусов. Это называется: если надо, то можно из слона сделать муху.

Но есть и научно мыслящие теоретики. Американский профессор Р. А. Даль пишет: "Право собственности и управления фирмами вносят свой вклад в создание большого неравенства между гражданами в богатстве, доходе, статусе, квалификации, осведомленности, контроле над информацией и пропагандой, в доступе к политическим лидерам и, в целом, в прогнозируемой вероятности жизненного успеха не только для взрослых, но и для детей, включая младенцев и даже еще не родившихся" [4, с. 46]. Думается, что этот взгляд на собственность может стать предметом здоровой научной дискуссии.

Во-вторых, в научной литературе не придают должного значения тому исключительно важному объективному положению, что сама капиталистическая собственность по сути своей является монополистической по отношению к наемному труду. В процессе расширенного воспроизводства львиная доля создаваемого богатства накапливается, концентрируется в руках незначительного меньшинства населения. В результате класс собственников полностью монополизирует основные средства производства и капитал и тем самым лишает класс наемных работников возможности защиты от натиска монопольного положения не только в экономике, но и в целом в обществе. Классу собственников принадлежит как экономическая власть, так и власть политическая. Работодатели, опираясь на свое монопольное положение, объективно имеют все шансы реализовать весомые дополнительные выгоды при найме рабочей силы.

При этом наемные работники с самого начала поставлены в условия, полностью лишаящие их от каких-либо элементов монополизма. Их численность непрерывно увеличивается и часто превышает наличие рабочих мест; они не могут откладывать свое трудоустройство, поскольку у них нет на длительное время средств существования. Наемные работники не имеют монополии на способности к труду, поскольку работодатели также способны трудиться. Таким образом, никакой альтернативы против монополизма собственников у наемных работников нет. К тому же в современных условиях монополизация собственности принимает уродливые и даже бессмысленные формы. Например, по данным газеты "The Financial Times", в 2000 году количество богатых людей,

имеющих свыше 1 млн. долл. свободного капитала, достигла в мире 7,2 млн. человек. Их совокупное состояние составляет 27 трлн. долл. Фантастика! К сожалению, отсутствует статистика о том, сколько сотен миллионов людей было лишено собственности, достатка, а сколько миллионов и миллионов людей стали просто нищими в результате такого фантастического накопления собственности. Вот еще один пример. Москва, будучи столицей Советского Союза, не имела ни одного жителя – миллионера. С переходом России к капитализму, зарабатывая по-капиталистически, за каких-нибудь 10-15 лет в Москве появилось 36 миллиардеров, монополизировавших значительную часть гигантского богатства России, при этом отбросивших десятки миллионов простых людей за черту бедности. Но зато Москва обогнала Нью-Йорк по числу миллиардеров!

В-третьих, главной чертой и движущей силой рыночной системы, и в особенности, капиталистической системы собственности, является конкуренция. Целью любой фирмы является максимизация прибыли. Частный интерес предполагает погоню за обогащением. Капиталистическая экономика является по сути хрематистикой, искусством делать деньги, а точнее – искусством умножать капитал. Эта своеобразное искусство есть не что иное, как конкуренция, представляющая собой естественное состояние капитала. Профессор Л. Туроу (США) о конкуренции пишет следующее: "Изыскание экономических возможностей заработать большие деньги становится силой эффективности производства. Некоторые такие возможности находят, другие нет. Вытеснить с рынка этих последних, свести их доходы к нулю – завладеть их возможностями делать деньги – в этом и есть существо конкуренции" [14, с. 186].

Ожесточенная конкуренция между самими капиталистами, между рабочими и, наконец, между капиталистами и наемными рабочими – неизбежная форма их взаимоотношений. В конкуренции побеждает только сильный. Конкурентное положение наемного работника, к сожалению, не сравнимо с могуществом и возможностями работодателя. Не работник диктует условия найма, а работодатель. Это подтверждается всей историей взаимоотношений между капиталом и наемным трудом.

В-четвертых, капиталистическая рыночная система на поверхности отношений – это система купли-продажи, спроса и предложения. Наемный работник может рассчитывать на трудоустройство, если есть работа. Историческая практика развития капиталистического рынка свидетельствует, что предложение рабочей силы, как правило, превышает спрос на нее, а начиная с 20-х годов 20 века оно постоянно превышает спрос. Поэтому безработица стала хронической, постоянной. Иными словами, отношения частной капиталистической собственности, ее монополизация в руках работодателей породили существенное ограничение спроса на рабочую силу, вызвали избыточное производство трудоспособного населения, обострили конкуренцию между самими работниками за рабочие места.

Итак, нам удалось фиксировать условия найма рабочей силы, которые и определяют необходимость присвоения работодателями прибавочного продукта, создаваемого работниками. Подытожим эти объективные условия: а) **наемные рабочие лишены собственности на средства производства**, поэтому вынуждены продавать свою рабочую силу; б) **решающие условия производства – средства производства, денежный капитал – монополизированы классом работодателей**; в) **объективной целью** такого производства является **прибыль** капиталистов, умножение их капитала и богатства; г) вся экономика и деятельность каждого субъекта хозяйствования основана на **конкуренции по принципу: сильный побеждает слабого**; д) **продажа наемной рабочей силы подчиняется законам спроса и предложения товаров**.

Если объективно и непредвзято оценить эти условия, то совершенно очевидно, что как по каждому условию в отдельности, так и по совокупности условий работодатели имеют многократное преимущество перед наемными работниками.

Законы рыночной системы неумолимы, в особенности в отношении купли и продажи рабочей силы. Памятуя это, нам следует выяснить один из главных вопросов: по какой цене может быть продана рабочая сила. Какие объективные критерии оценки этого товара. Ведь

благополучие работника зависит от величины его заработной платы. У него нет других источников дохода. Если исходить из интересов работодателя, т.е. покупателя, конечно, он готов приобрести рабочую силу почти задаром, по крайней мере по очень низкой цене, ибо заработная плата работника входит в издержки его производства. Чем меньше ее, при прочих равных условиях, тем больше будет прибыль собственника. Естественно, в интересах же работника, чтобы заработная плата была как можно больше, весомее. Связка "заработная плата – прибыль" выражает антагонизм интересов капитала и наемного труда.

Конечно, работодатель и наемный работник, как субъекты хозяйствования будут бороться за свои интересы и потому возможны самые разные варианты их субъективной сделки. Но наш вопрос крайне необходимо рассматривать с позиции объективных отношений рынка. В этом случае заработная плата приобретает первостепенное значение как для работодателя и наемного работника, так и для всей рыночной системы. Главное же требование рынка состоит в том, что величина оплаты труда призвана **гарантировать непрерывное воспроизводство рабочей силы в качестве товара**. Это вопрос вопросов. Не будет воспроизводства этого товара, – погибнет класс работодателей и вся существующая система.

Как подобное могло случиться? Оно происходит, если зарплата будет на порядок выше стоимости рабочей силы. В этом случае работники способны накопить часть своего дохода, а затем его использовать для открытия собственного производства. Но если даже только часть работников, скажем, 10%-15% их численности таким образом перестанет продавать рабочую силу, то рынок, производство начнет буксовать, появится дефицит рабочей силы. И вместо того, чтобы работники искали рабочие места, работодатели вынуждены будут пуститься в поиски рабочей силы. Такое состояние рынка труда не будет способствовать развитию производства, повышению качества рабочей силы, конкуренции между самими рабочими.

Не лучше будет и в том случае, если воспроизводство рабочей силы будет обеспечено на основе заработной платы, оказавшей значительно ниже стоимости рабочей силы. Такая цена рабочей силы станет тормозом для развития производства, отрицательно повлияет на производительность труда, более медленно, чем требуется, будет повышаться качество рабочей силы, а прибыли капиталиста будут ниже, конкурентоспособность фирм, экономики в целом не будет отвечать требованиям развития. Естественно, обострятся социальные отношения в обществе. Выход из тупикового положения, состоит в том, что зарплата должна **соответствовать** стоимости рабочей силы.

Возникает новый вопрос: как определить эту стоимость, если она так важна? Стоимость товара, в том числе такого товара как рабочая сила, определяется общественно-необходимыми затратами труда на его производство. Поскольку рабочая сила неотделима от работника, то ее воспроизводство целиком связано с воспроизводством самого работника. Но работник не вечен, он смертен, а производство должно непрерывно продолжаться и развиваться, следовательно, оно должно быть всегда обеспечено рабочей силой. Это означает, что одной из важных составляющих стоимости рабочей силы являются затраты, связанные с созданием работником своей семьи, воспитанием детей – будущих носителей рабочей силы. Кроме того, рабочая сила должна соответствовать всевозрастающему уровню производства, новой технике, технологии. Поэтому необходимые затраты работника на образование, приобретение знаний, культурное развитие и повышение квалификации составляет важнейший элемент стоимости рабочей силы. Она также связана с историческими особенностями и традициями развития народов, стран (еще в 19 веке наука обосновала наличие морального и исторического элемента в стоимости рабочей силы, а Г. Беккер в 20 веке заново изобретает велосипед, выдвигает на авансцену человеческий капитал, придав ему идеологизированный характер). Таким образом, стоимость рабочей силы - это объективная категория, имеет конкретное, четко определенное содержание. А заработная плата выступает как цена рабочей силы.

Однако в очередной раз встает вопрос: исчерпывает ли стоимость рабочей силы ту стоимость, которую создает работник своим трудом? Или, **может ли соответствовать**

заработная плата работника той стоимости, которую он создает в процессе производства? Подчеркнем, что это центральный вопрос экономической теории. Надо сказать, что такое соответствие исключено всей системой отношений капиталистического рынка. Если работник получит все, что он создает своим трудом, то работодатель останется без прибыли, без дохода. Тогда теряет смысл и сам наем рабочей силы. Работнику предлагают работу не для того, чтобы он жил спокойно и процветал, а чтобы он своим трудом создавал приличный доход для собственника капитала. Только это притягивает капитал к наемному работнику. Капитал свой доход не может сотворить из воздуха. Источником прибыли не могут стать и различные способы ее перераспределения между самими капиталистами. Ибо, прежде чем распределять, следует ее создавать. Вот для этого и нанимается рабочая сила. Если бы работник создавал только свой доход, то его рабочая сила не стала бы товаром, не стала бы предметом купли – продажи. Такого работника никто и не нанимал бы. Он не нужен работодателю, ибо его товар не имеет потребительной стоимости.

История общественного производства решила этот сложный вопрос следующим образом. Развитие труда за много тысяч лет до становления капитализма, на основе новых средств труда и значительного роста производительности, вызвало его (труда) деление на необходимый и прибавочный труд, производящий необходимый и прибавочный продукт. Это деление труда сохраняется, развивается и видоизменяется в условиях капитализма потому, что работник лишен основного условия производства – средств производства, находится в полной экономической зависимости от капитала. Вследствие этого он получает заработную плату, в основном соответствующую, только стоимости необходимого продукта, созданного необходимым трудом. Следовательно, **заработная плата вовсе не плата за труд, а плата только за стоимость рабочей силы, только за необходимый труд.**

Львиная доля дохода работодателя создается прибавочным трудом работника. Мизерная часть дохода, не имеющая существенного значения, может быть создана трудом самого работодателя, если конечно, он работает.

Некоторые ученые, даже будучи сторонниками капиталистической системы, признают несвободу людей наемного труда. Лауреат Нобелевской премии француз Морис Алле пишет: "В стране, где я живу, я вижу, что частная собственность дает богатым большую степень свободы. Тот, у кого нет денег, кто нуждается в работе, не является свободным. Или же у него есть работа, но он может ее потерять, что сокращает его свободу в выражении мнений. В конечном счете, в наших западных, так называемых "либеральных обществах", очень мало свободных людей" [1, с. 215]. Отсутствие средств производства у наемного работника, его экономическая несвобода служит главной причиной присвоения капиталом прибавочного труда и продукта.

Итак, закон стоимости как закон эквивалентного обмена действует без нарушения потому, что имеющая стоимость рабочая сила продается и покупается так же, как все другие товары, за тем лишь исключением, что предложение рабочей силы постоянно превышает спрос на нее. Не нарушается закон стоимости и при безвозмездном присвоении работодателем прибавочной стоимости, поскольку произведенная работником продукция целиком принадлежит не ему, а собственнику капитала.

Кроме того, на поверхности рыночных отношений прибавочная стоимость принимает форму прибыли, ибо капиталист вовсе неумышленно, а руководствуясь законами хозяйствования, совершенно правомерно соотносит полученную прибыль, чистый доход с вложенным в дело капиталом, тем самым выясняет эффективность своего хозяйствования. Но это означает, что прибыль выступает не как форма присвоения прибавочной стоимости, не как продукт труда работника, а как продукт капитала. И норма прибыли определяется как отношение прибавочного продукта к капиталу в процентах.

Вот таким образом в реальной системе рыночных отношений происходят удивительные метаморфозы: заработная плата выступает превращенной формой стоимости и цены рабочей силы, затрата труда выступают как элемент издержек производства, капитала, а прибыль как порождение капитала. Здесь нет никакой уловки, никакого одурачивания

читателя, а есть попытка научного мышления отразить сложнейшие социально-экономические отношения и противоречия современного общества, которые, по разным причинам, М. Блауг, Г. Беккер и другие защитники капитализма игнорируют и не воспринимают.

3. Труд и современные тенденции его развития

На наш взгляд, невозможно глубоко осмысливать сущность труда, его богатое содержание и предназначение, если научно не раскрыть его историческую роль в зарождении, становлении и развитии человека и человеческого общества. Это тем более необходимо, когда наука сегодня третирует труд.

Труд – существенное свойство человека и только человека. Он (труд) явился первым, исходным общественным (человеческим) явлением в природе, обеспечившим историческое становление человека, его отделение от животного мира. Как в реальной, действительной истории труд был исходным и первоначально единственным общественным явлением, совершившим гигантский, прямо-таки вселенский скачок и создавшим Новую Человеческую Природу, Новый Человеческий Мир со своими объективными законами развития, так и в научной логике труд является первой, исходной категорией, развертывание которой позволяет создать историко-генетическую систему социально-экономических отношений становления и развития индивида и общества.

Труд – орудийная деятельность. Создание и использование орудий труда, пусть даже самых примитивных (например камень и палка), явились тем решающим историческим поворотом, который положил начало человеческому существованию. Живые существа, создав орудия, которых не было в природе, и с их помощью преобразовав, изменив природу для обеспечения жизни, удовлетворения своих потребностей, одновременно преобразовывали, изменяли свою природу, становились людьми.

В основе развития труда, несомненно, лежит **совершенствование орудий труда**. Общая же историческая тенденция развития этих орудий заключается в том, что в труде постепенно ослабляется роль физических способностей работника и эволюционно возрастает роль его умственных способностей.

Перенос усилий в труде на сноровку, умение эффективно использовать орудия труда, на мастерство, а не на голую физическую силу явился великой социальной революцией в труде, революцией, опрокинувшей природный, биологический закон господства физически сильного в присвоении средств к существованию. Это было возникновение социального отношения, рождение собственности!

Революционные скачки в утверждении социальных законов и отрицании законов животного мира были обусловлены **разделением труда**. Еще на стадии простой кооперации произошло возрастное и половое разделение труда. По мере усиления роли средств труда в жизнеобеспечении людей возрастает и роль создателей, изготовителей этих средств. Лучше стали справляться с этой задачей не столько молодые, сколько пожилые, накопившие большой опыт применения орудий труда, глубже познавшие процесс труда и возможности его совершенствования. Когда этот экономический факт, утвердившийся из поколения в поколение, стал очевидным, перестали убивать стариков и слабых. Впервые первобытные люди на основе развития труда вырабатывают моральный принцип "не убий". Запрет на убийство "способствует выживанию тех умельцев, которые были способны не только хранить нужные знания и навыки, но и рождать новое мастерство, приобретать новые знания и, что самое главное, передавать их другим поколениям. Принцип "не убий" разрешал противоречия между самым сильным и умным в пользу последнего" [10, с. 126]. Таким образом, отпадает один из основных законов животного мира – раздел пищи в пользу сильных. Вместо отмирающего природного закона возникает и утверждается в жизни людей социальный закон **уравнительного распределения жизненных средств**, способствующий

выживанию. Действие этого закона привело к расширению и углублению социального присвоения, собственности.

Совместный труд постепенно формирует все новые и новые ростки социальных отношений, рождающиеся в процессе самого труда. Опыт **кооперации труда** показывает, что когда люди помогают друг другу, то общий результат их труда оказывается всегда большим, чем тогда, когда отсутствует такая взаимная помощь. В результате постепенно утверждается принцип кооперации "помоги ближнему своему". Это еще один закон человеческих отношений – закон собственности, порожденный трудом.

Таким образом, длительная историческая эволюция в развитии труда привела к кардинальному повороту от стадной, природной общности к общности социальной, к становлению экономических отношений.

Установлено, что из социальных отношений между людьми первыми возникают отношения собственности. Это знаменательный факт. Он подтверждает единство между историческим развитием экономики общества и логикой возникновения и становления экономических категорий. Труд для своего развития порождает собственность и, взаимодействуя с нею как со своей формой, развивается и интенсивно, и многообразно, и продуктивно.

Как уже отмечалось, средства труда, в особенности орудия труда, создаваемые и совершенствуемые людьми, многократно повышают производительность труда и тем самым обеспечивают производство необходимого количества и ассортимента благ для удовлетворения потребностей людей.

Однако если предназначение труда, его функция сводилась бы только к изготовлению благ и увеличению их объемов, то вряд ли труд выполнил бы свою историческую роль в становлении человека, человеческого общества и современного их развития. **Создание более сносных условий жизни само по себе не решает главных проблем развития человека и общества.** Конечно, нельзя ни в коем случае пренебречь этой стороной самой жизни. Более того, не только в прошлом, но и на современном этапе развития человеческой цивилизации для большинства стран проблемой номер один остается коренное улучшение условий жизни. Но и сегодня рост потребления не является самоцелью, так сказать, истиной в последней инстанции.

Сущность труда, его решающая роль заключается в том, что он является формой становления и развития человека. Причем источником становления и развития человека является не только потребление им продуктов, изготовленных в процессе труда, но и **сам труд**, то есть сама орудийная его деятельность. Величайшая сила и мощь, неиссякаемая жизненная энергия труда состоят в том, что он по существу является творцом, создателем человека, постоянным источником его развития. **Труд**, являясь отношением к природе, выступает как "первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, - писал Ф. Энгельс, - что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека" [17, т. 20, с. 486].

Без орудий труда и орудийной деятельности никогда не появился бы человек. Он остался бы просто животным. В процессе орудийной деятельности человек не только создает и совершенствует блага, но и развивает и совершенствует самого себя. В принципе он не может развиваться без целесообразной общественно полезной деятельности, не может развить свои способности, находясь в покое, даже если при этом максимально удовлетворяет свои потребности в пище, одежде, жилище.

В литературе при анализе развития экономики доминирует подход: уделять первостепенное внимание достижениям техники, технологии, науки, производства новых изделий, возникновению новых отраслей и т.д. Несомненно, такие исследования необходимы и оправданны. Но, к сожалению, при этом остаются без внимания **авторы** этих достижений, авторы как в узком, так и в широком смысле слова. **Основными же авторами являются люди физического и умственного труда**, занятые на всех предприятиях, во всех отраслях и сферах общественного производства. Следовательно, объективно речь должна идти не

столько о достижениях техники, технологии и т.д., сколько об успехах людей, создавших новую технику, технологию, о опредмечивании в новых изделиях способностей рабочих, конструкторов, управленцев и т.д.

Причем создание и непрерывное совершенствование отдельными людьми и их коллективами продуктов труда представляют собой плод их творчества, созидания, изобретательности, состязательности, сплава чувственной, интеллектуальной фантазии и выверенных, точных расчетов, а также мастерства рук. А все эти качества людей сами являются продуктом труда, развиваются в процессе труда и производства. Порождённые в ходе взаимодействия человека со средствами производства новые знания, опыт, навыки, мастерство закрепляются, опредмечиваются в самом человеке, а затем человек опредмечивает их в продуктах своего труда. Такова диалектика развития и человека, и труда, и производства.

Отметим две стороны этой диалектики. С одной стороны, развитие происходит на основе их внутренней дифференциации. Например, углубление разделения труда, его специализация становятся важной внутренней формой саморазвития и труда, и человека, поскольку отдельный работник становится профессионалом, глубоко освоив узкую специальность, а совокупный работник занимается множеством самостоятельных конкретных видов труда.

С другой стороны, развитие связано с порождением, образованием, институированием внешних форм саморазвития. Труд порождает собственность, свою общественную форму как своё "иное", как формы своего развития. Человек же создает, например, систему машин как форму своего развития. Путем передачи множества функций труда машинам многократно повышается производительность его труда, усиливается творческое содержание и характер труда, расширяется производство свободного времени и т.д. Но всё это развивает работника, выступает своеобразной кузницей формирования новых, более высоких человеческих способностей, а, следовательно, более высоких потребностей.

Если вернуться в историю, то мы увидим, что мерой развития человека, его способностей всегда выступал уровень орудий труда. Исторически происходила последовательная смена поколений орудий труда как база развития способностей человека. В сельском хозяйстве эту смену орудий можно представить так: заостренная палка – мотыга – лопата – соха – плуг – современный трактор. Или: жатва почти голыми руками – серп – коса – косилка – комбайн. Каждое из этих орудий труда характеризует собой целую историческую эпоху, выступает внешней формой развития способностей земледельца и в то же время является материализацией, опредмечиванием способностей человека.

Благодаря взаимодействию человека и орудий труда происходит его биологическое совершенствование и социальное становление и развитие. Орудийная деятельность буквально выпрямила человека, поставило его на ноги. Прямая походка, совершенствование рук и развитие их функций, развитие соответствующей костной и мышечной систем, постепенное превращение мозга животного в человеческий мозг, развитие органов речи и т.п. явились непосредственным продуктом трудовой деятельности человека. Антропогенез, то есть формирование современного типа человека, завершился около 40 тыс. лет назад до н. э. С тех пор генетическое состояние человека остается неизменным.

Одновременно с биологическим развитием происходит социальное становление человека (социогенез). В ходе трудовой, орудийной деятельности развивается человеческое мышление, язык, способности, отношения между людьми. Противоречия труда, особенно разделение труда на умственный и физический, порождают собственность как форму своего развития. Классовые отношения в свою очередь обеспечивают становление государства и других институтов общества.

Из краткого анализа можно сделать ряд выводов.

Первое. Сущность труда не ограничивается производством благ. Она включает в себя также: а) творчество, состязательность; б) развитие физических, умственных и производственных (трудовых) способностей человека.

Второе. Развитие труда в течение всей истории было связано, прежде всего, с совершенствованием средств труда. Преобразования последних, в свою очередь, были источником развития человека, работника. И сегодня действует эта закономерность, в частности, в виде объективного закона соответствия работника развивающимся средствам труда. Конечно же, указанное соответствие достигается вовсе не автоматически и не сразу, а через преодоление противоречий между сторонами процесса труда, изменение **положения** работника в этом процессе, а также повышение его профессионального уровня до достижения соответствия с уровнем функционирующих новых орудий труда.

Научно-техническая революция XX века обеспечила глубочайший переворот в средствах производства. Система машин, созданная еще в конце XVIII и начале XIX веков и развитая в последующем, пополнилась новым качественным звеном – **управляющим устройством**, преобразующим всю систему в автоматизированную. Эта революция в материальных производительных силах общества по цепной реакции вызывает новые качественные изменения в положении работника в технологическом способе производства и труда. Более того, революция в производительных силах и труде не может не ставить фундаментальных проблем перед существующей системой собственности. Остановимся на анализе труда.

Как известно, с возникновением и распространением в экономике машинной техники технологический способ производства (или технологический базис), столетиями связанный с техникой, обуславливающей ручной труд, поднимается на новый исторический этап развития, обеспечивает господство механизированного труда и производства. Этот переворот в технике в корне изменяет положение работника в технологическом базисе производства и труда. Если в прошлом материальной основой указанного базиса являлся сам человек, работник, а орудия труда лишь усиливали его физические и умственные возможности трудиться, то при машинной технике материальной основой этого базиса становится сама машина, а человек лишь дополняет ее. Своими органами труда человек является технологическим звеном системы машин. Он работает на рабочей машине, которая приводится в движение двигателем через передаточный механизм. Следовательно, новое место человека в технологическом способе связано с передачей многих его трудовых функций машине. Это обеспечивает многократное повышение производительности труда, массовое производство продукции. Данный технологический способ, с одной стороны, разрешает многие противоречия процесса труда и производства, с другой – порождает новые, не менее острые противоречия. Если при ручном труде производитель мог один производить готовую продукцию, совершая последовательно все необходимые трудовые операции, то механизированный труд, машинная система производства поручает ему (работнику) отдельные трудовые операции, зачастую простые, монотонные, отупляющие. Производитель становится частичным рабочим. Конвейер и подобные ему технические системы превращают работника в придаток машины.

В то же время машинная система технологического способа производства и труда является революционной системой, постоянно совершающей перевороты в технике и технологии. Обновления старой техники новой – закон индустриального развития. Возникновение новых отраслей и отмирание устаревших отраслей также являются объективной закономерностью развития отраслевой структуры экономики. Но это означает, что рабочая сила общества и каждый работник в отдельности находятся в состоянии динамики, постоянных изменений. Изменяются функции труда как отдельного работника, так и общественной комбинации процесса труда совокупной рабочей силы. Сменить профессию, время от времени переходить на другие работы, осваивать смежные специальности – это объективный закон **перемены** труда. Многократная перемена труда вынуждает работников переучиваться, приобретать новые и новые знания, накапливать опыт и навыки разнообразных видов труда и тем самым обеспечивает их профессиональное и умственное развитие.

Однако перемена труда не способна разрешать все противоречия, она сама источник новых противоречий. Нередко смена профессии – мучительный процесс, связанный не только с ростом знаний и профессионального уровня, а следовательно, и ростом доходов работников, но и переходом к труду, не удовлетворяющему их. Несмотря на эти и другие противоречия технологического способа производства, базирующегося на машинной технике, он развивается и подготавливает почву для собственного отрицания.

Этот технологический базис экономики и общества сыграл свою историческую роль, обеспечив относительно высокий уровень производства благ, производительности труда. В то же время он исчерпывает себя, столкнувшись с ограничениями, непреодолимыми противоречиями, которые породил сам.

Во-первых, трехзвенная система машин не способна обеспечить высшую производительность труда как условие производства благ и услуг для полного удовлетворения всех здоровых потребностей всех членов общества.

Во-вторых, как бы ни развилась эта система машин, она не может преодолеть положение работника как придатка машин. Превращение производителя в частичного рабочего – одно из порождений машинной техники, с помощью которого она утвердилась. "И этот фабричный стиль работы был перенесен в контору, – пишет О. Тоффлер, – где каждый работающий выполняет очень маленькую, без конца повторяющуюся работу, без какого-либо понимания ее отношения к целому, без какой-либо надежды на своеобразие или творчество" [13, с. 252].

В-третьих, рассматриваемый технологический способ производства исключает возможность свободного всестороннего развития работника. Он жестко ограничивает потолок развития человека, то есть работника. Это ограничение предопределено тем, что в технологическом процессе работник является лишь **дополнительным звеном** машинной техники. Следовательно, развитие работника ограничивается лишь выполнением функции этого дополнительного звена и не более. В развитии человека сверх этих ограниченных функций данная технологическая система не нуждается! Для этой системы свободное развитие способностей человека является враждебной силой.

В-четвертых, человек в качестве дополнительного звена технологического базиса тормозит не только собственное развитие, но и развитие самой техники.

Это – поучительная диалектика взаимных ограничений между данной системой техники и человеком. Техника, лишив человека свободного развития, тем самым положила предел собственному развитию. В чем же это проявляется? В том, что человек со своей физической силой, скоростью реакции, зрительными возможностями, точностью измерения не соответствует требованиям новой техники. Возникает острое противоречие между высокими скоростями машин, многотысячными операциями, совершаемыми ими в кратчайшие сроки, новыми технологиями и ограниченными возможностями работника по непосредственному управлению данными процессами. Эти противоречия и ограничения в конечном итоге подвергают отрицанию технологический способ, в котором человек является дополнительным звеном машинной техники. Человек в этой технологической системе оказывается самым ее **слабым звеном**.

Выход из этого положения заключается в одном: в выведении человека из технологического базиса путем создания нового звена в системе машин – управляющего устройства. Основные функции труда человека передаются этому автоматическому техническому устройству. Это такие важнейшие функции, как **логическая**, то есть определение цели труда (какую продукцию производить), разработка программы и процесса труда; **исполнительская**, то есть приведение в действие средств труда и воздействие ими на предмет труда. Передача этих основополагающих трудовых функций человека машинам по существу решает основные вопросы производства продукции. Если это действительно так, то какова же роль работника, каково место его в производстве и труде?

Человеческий труд с передачей указанных функций машинам не исчезает, а только изменяется по своему содержанию и характеру, потому он сохраняется как решающая основа

жизнедеятельности общества и его экономики. На новом (третьем) этапе технологического способа производства человек перестает быть **непосредственным** звеном технологической цепи. Это не освобождает его от труда, а впервые создает необходимые условия для подлинно свободного, творческого труда, соответствующего, наконец, историческому предназначению человека.

Еще К. Маркс отмечал, что в условиях высокого развития промышленности "труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик... Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства рабочий становится рядом с ним" [9, т. 46, ч. II, с. 213]. Очень простое, но чрезвычайно емкое и глубокое по смыслу выражение: "**рядом с ним**". Чтобы человеку, рабочему становиться рядом с процессом производства, требовались сотни и сотни тысяч лет развития хозяйства через многочисленные переходные ступени, приведшие, в конечном итоге, к высшей на сегодня ступени промышленного производства.

"Рядом с ним" на деле означает рождение принципиально нового труда, отсутствовавшего в прошлом, труда, который будет в течение тысячелетий основой свободного всестороннего развития и человека, и экономики, и общества в целом. Сегодня еще трудно всесторонне и конкретно охарактеризовать новый исторический скачок, происходящий на наших глазах, в качественном развитии труда, технологического способа производства. Но в общих чертах, обобщая имеющиеся исследования и социальный опыт развития, можно обозначить некоторые характерные особенности рождающегося труда.

Первое. Новый труд жестко не соединен с технологическим процессом производства. Его соединение характеризуется **свободным типом связи** работника с процессом производства. Но трудовая функция человека должна охватить данный процесс производства **целиком**. В ином случае труд теряет свой смысл. Когда он не входит в качестве звена в технологическую цепь производства, то он не может не иметь других функций, чрезвычайно необходимых в условиях автоматизированного производства. Более того, это "новые" функции труда не должны быть на уровне тех функций, которые переданы машинам.

Функции работника, находящегося рядом с процессом производства, связаны не с отдельными операциями или блоком операций этого процесса, а со всеми блоками операций. Это функции контроля, регулирования, наладки, ремонта конкретного процесса производства. Названные функции труда в принципе не являются новыми. Они были присущи ему во все времена. Но в условиях автоматизированного технологического базиса производства, построенного на основе научных знаний, функции регулирования, контроля, наладки приобретают **новое содержание**, требующее от работника глубокого знания многократно усложненного технологического процесса производства, целиком построенного на достижениях науки.

Второе. Новый по содержанию и характеру труд представляет собой **синтез** умственного и физического труда, в котором преимущество принадлежит интеллектуальной составляющей. Именно интеллектуализация труда, базирующаяся на непрерывном углублении научных знаний, вносит **великий прорыв** в качественном преобразовании содержания и характера труда, по своему значению сопоставимый с прорывом в космос, поскольку отныне он (труд) по содержанию преодолевает свое тысячелетнее притяжение к жестко ограниченными физическим возможностям человеческого организма и переходит на орбиту бесконечно углубляющегося духовного развития, человеческого сознания, постоянно обогащающегося новыми и новыми научными знаниями.

Третье. Благодаря **интеллектуализации**, информатизации труда, впервые формируются технико-экономические условия для свободного, творческого труда, а следовательно, для свободного всестороннего развития способностей человека. Свободный тип связи человека с процессом производства – решающий **источник и форма** всестороннего развития человека.

Наконец, новое содержание и характер труда характеризуются и тем, что положение частичного рабочего как результат глубокого разделения и специализации труда, нашедшего воплощение в машинной технике, отмирает, поскольку новые его функции охватывают весь технологический процесс производства или часть его.

Коренные изменения в технологическом способе производства сами по себе, автоматически не способны преобразовать социально-экономические отношения общества, общественную форму труда, они создают лишь необходимые предпосылки для этого. Вот почему **фундаментальной проблемой было и остается коренное изменение отношений собственности**. Диалектика совершенствования собственности заключается в том, что оно обусловлено развитием производительных сил, труда. В то же время отношения собственности являются формой развития и производства, и труда.

Литература.

1. Алле М. Единственный критерий истины – согласие с данными опыта // Экономическая теория. Хрестоматия. – М.: Высшая школа, 2000. – С. 212 – 215.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: ДЕЛЮ ЛТД, 1994. – 688 с.
3. Булгаков С. Н. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. - М.: Наука, 1977. – 606 с.
4. Даль Р. Введение в экономическую демократию // Пер. с англ.-М.: Наука, СП "ИМПРА", 1991. – 128 с.
5. Иноземцев В. За пределами экономического общества. – М.: "Academia" – "Наука", 1998. – 640 с.
6. Кэрри Г. Ч. Руководство к социальной науке. - СПб.: Департамента Уделова, 1869. – 704 с.
7. Макконнел К. Р., Брю С. Экономикс. Т. 2. - М.: Изд-во "Республика", 1992. – 400 с.
8. Маркс К. Капитал. Т. 1 – М.: Политиздат, 1973. – 908 с.
9. Маркс К. Экономические рукописи. 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. изд. 2-е. Т. 46, ч. II. - М.: Политиздат, 1969. – 620 с.
10. Моисеев Н. Человек и ноосфера. - М.: Молодая гвардия, 1990. – 352 с.
11. Райсберг Б. А., Лозовский Л. Ж., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА – М., 1996. – 496 с.
12. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 360 с.
13. Тоффлер О. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 250-274.
14. Туроу Л. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего для формирует мир завтрашний // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.: Academia, 1999. – С. 185-222.
15. Шекспир В. Гамлет, принц датский. – М.: Изд-во "Правда", 1975. – 178 с.
16. Шумпетер Й. История экономического анализа // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып.2. – М.: Экономика, 1990. – С. 220 – 267.
17. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.20. – М.: Политиздат, 1972. – С. 486-499.

Поступила в редколлегию 11.06.2004 г.

© Григорян Г.М.